

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Сборник 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

К. К. КУРДОВЕВ

ХАЧАТУР АБОВЯН КАК КУРДОВЕД-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

(к вопросу изучения истории курдов в России)

Хачатур Абовян родился в 1804 г. в Армении в селе Канакир во время господства персидских ханов. Он получил монастырское воспитание и богословское образование в Армении, затем учился в Дерптском университете, где получил широкое филологическое, этнографическое и философское образование. Там же сложились его литературные вкусы и педагогические принципы.

Х. Абовян находился под влиянием прогрессивных представителей русской литературы. В частности, его эстетические воззрения сформировались под значительным воздействием Белинского, а его реализм связан с реалистической струей в русской литературе, особенно с творчеством Карамзина, Крылова, Пушкина и Гоголя.

Х. Абовян был ближайшим помощником и спутником немецких ученых-путешественников (М. Вагнера, Августа Гакстгаузена, Паррота и др.) в изучении географии Закавказья и этнографическом исследовании армян, азербайджанцев и курдов.

Х. Абовян принадлежал к плеяде прогрессивных деятелей той эпохи. Он отдал жизнь делу просвещения армянского народа. На своей родине он основал частный пансион (первую в Армении светскую школу), в котором воспитывал детей — армян, грузин, азербайджанцев и других национальностей. Он составлял учебники, в которых были изложены его педагогические принципы. Так, в своем известном труде «Предтропье» он совершил подлинный переворот в истории армянской педагогики, а романом «Раны Армении» и многочисленными поэтическими произведениями он заложил основы светского языка в отличие от габара — языка церковной литературы, непонятной народным массам Армении. Х. Абовян считается пер-

вым народным просветителем и основоположником современного армянского литературного языка.

По своим политическим убеждениям он был горячим сторонником свержения персидского господства и присоединения Армении к России, понимая, что этот шаг будет в тех условиях, безусловно, прогрессивным.

Занимаясь вопросами литературы и языка, неустанно борясь за улучшение дружественных отношений между народами Закавказья — армянами, грузинами, курдами, Х. Абовян уделял большое внимание и вопросам исторического развития этих народов. Его перу принадлежит небольшая по размерам, но значительная по содержанию работа о курдах, которая позволяет считать Абовяна одним из лучших первых знатоков курдов. Эта работа, состоящая из нескольких самостоятельных очерков, объединенных единством тематики, была напечатана на страницах газеты «Кавказ» за 1848 г. (№№ 46, 47, 49, 50, 51) под общим названием «Курды». Вся работа составляет не более двух печатных листов и представляет собой стройное научное произведение, в котором с четкой последовательностью освещены и сформулированы вопросы происхождения курдов, их занятий, языка, народного творчества, социального строя, религии, черт характера, образа жизни и нравов.

В начале и даже в первой половине XIX в. в России немногие знали о курдах. Были известны лишь отдельные путевые заметки, содержащие отрывочные сведения о тех или иных курдских племенах, кочевавших в Закавказье¹, да две-три небольшие работы, в которых уделялось некоторое внимание этнографическому описанию курдов. Так, например, в работах А. З. «Подробное описание Персии»², А. Жюбера «Курдистан»³ и в статье «Курды»⁴ курдам и Курдистану посвящено не больше 30 страниц, в которых даются расплывчатые, очень краткие и подчас неверные сведения о происхождении курдов, их нравах, обычаях, быте кочевых и оседлых курдов и их военной организации.

¹ В. Т. Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В. Т. и напечатанное с высочайшего соизволения. СПб., 1839, стр. 264; В. С. Легибюттов. Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении, произведенное и изданное по высочайшему соизволению. СПб., 1838, ч. I—IV, с картой и указателем. Статистическое обозрение. СПб., т. XVIII, №№ 21 и 22, стр. 243—259, 317—337.

² «Москва», 1824, стр. I—II.

³ «Северный Архив», 1826, ч. 22, стр. 173—183.

⁴ Журнал Мин-ва внутр. дел, 1835, ч. XV, № 2, стр. 455—462.

Совершенно понятно, что ни один из авторов названных работ и не мог ставить перед собой задачи более или менее подробного этнографического описания курдов. Их работы являлись только зародышем этнографического исследования. Что же касается научного интереса к курдам в России, то он появился сравнительно поздно — примерно в середине XIX в. Но и тогда этот интерес был еще слишком поверхностным. Тем не менее уже в это время И. Березин посвятил специальную статью обзору хрестоматии афганского языка, изданной Дорном в Петербурге на английском языке ¹, в которой пишет: «С двух противоположных сторон, восточной и западной, примыкают к Персии две страны, имеющие сходство между собою по физическому и политическому положению своему: это Афганистан и Курдистан. Многочисленные ветви гор разрезают оба владения, не менее многочисленные племена составляют народонаселение обеих стран. Древность существования этих наций имеет почти одинаковую историческую давность: если геродотовы Pакtoi есть не что иное, как нынешний Пухтун (афганцы), то нельзя не признать курдов в Гордиенах древности. Даже для науки оба народа представляют почти равный интерес» ².

Русский путешественник Диттель, пройдя по Востоку, попутно интересовался и курдами. Проезжая через Курдистан, он собирал географические и лингвистические данные о курдах. Не лишне будет привести слова Диттеля, характеризовавшие состояние этнографической науки о курдах. В своем «Трехгодичном путешествии по Востоку» он пишет: «Путешествие через Диарбекир до границ Сирии представляло мне много наблюдений в географическом и филологическом отношениях. Путь мой лежал через Мардин, Диарбекир, Низибин и Орфу. Страны, по которым я проходил, составляли часть Курдистана, и мало известны. Так как до сих пор мы не имели сколько-нибудь удовлетворительного этнографического описания племен этой полосы Азии, то при обширном изучении новых диалектов я обратил особенное внимание на материалы, пополняющие эту часть географии. Приобретение таких сведений стоило мне часто больших трудов и жертвований. По собранным мною данным, я насчитываю до 300 племен курдов, и, думаю, что нынешнее подробное исследование Курдистана

¹ Dorn Bernhard. A chrestomathy of the pushtū or afghan Language; to which is subjoined a glossary in afghan and english. St.-Petersbourg, 1848.

² Журн. Мин-ва нар. просв., 1848, ч. LV, отд. VI, стр. 170.

может пролить свет на древнее состояние этой провинции Турции»¹.

Но главным образом в России судили о курдах на основе переводов небольших работ европейских путешественников, попутно касавшихся вопросов быта, обычаев и прав курдов. Таким образом, в первой половине XIX в. в России еще не было ни одного серьезного исследования по истории курдов, не говоря уже о том, что тогда никому и в голову не приходило заняться изучением древних и средневековых восточных источников для выяснения вопросов этногенеза.

Работа Х. Абовяна в этом отношении является первым всесторонним этнографическим описанием курдов Закавказья, с использованием древних источников. В большинстве своих выводов и обобщений Абовян обогнал современную ему науку на десятки лет. Абовян занимался историей курдов не как поверхностный наблюдатель, а как настоящий ученый-этнограф. В первую очередь он изучил «исторические и географические произведения и рукописи монастырской библиотеки Эчмиадзина и Эривана»². Затем для ознакомления с бытом и культурой изучаемого народа он совершил путешествие по Курдистану³, основательно ознакомился с курдскими племенами зилац, сипкан, гасан, джадали и другими, собрал необходимые этнографические данные о них. Достоверность собранных им материалов он неоднократно проверял, и, читая упомянутую работу знакомым курдам, учитывал их поправки и дополнения⁴. Таким методом мог пользоваться только ученый, понимавший цели и задачи своей работы. На основе тщательной обработки всего архивного и собранного им фактического материала Абовян делал смелые научные выводы и обобщения, не утратившие своего значения до сегодняшнего дня. В настоящей статье нет возможности осветить все вопросы, затронутые Абовяном в его работе о курдах. Остановимся вкратце на его выводах и соображениях по основным вопросам истории, происхождения, быта и культуры этого народа. При этом важно отметить, что, описывая быт курдов, Абовян обращает особое внимание на специфику их быта, культуры, отмечая наряду с этим некоторые общие черты, характерные для быта и культуры курдов, армян, арабов и других восточных народов.

¹ Д и т т е л ь. Обзор трехгодичного путешествия по Востоку. Журн. Мин. внутр. дел, отд. IV, стр. 19, СПб., 1847.

² M. W a g n e r. Reise nach Persien und den Ländern der Kurden. Leipzig, 1852, S. 224.

³ А б о в я н. Курды. «Кавказ», № 49, Тифлис, 1848, стр. 196.

⁴ Там же, «Кавказ». № 51, 1848.

Абовян старался дать научное разъяснение вопросу о происхождении курдов. «Сведения наши, — пишет он, — о происхождении, родстве, распространении и значении этого народа в истории очень неполны, неверны и основаны более на преданиях, нежели на фактах исторических»¹. Для того чтобы отыскать достоверные исторические факты о курдах, Абовян исследовал восточные источники, причем особое предпочтение он отдавал армянским, справедливо полагая, что армяне, будучи постоянными соседями курдов, имели о них сведения более достоверные, чем другие народы. Некоторые историки (Чамчиан, Инджинджиан) считают, говорит Абовян, что «курды произошли от мидян, известных под общим названием Марк, и были названы курдами потому, что жили во время существования древнего армянского царства, в той части Армении, которая называлась тогда Кордик или Корд»². Подробно и внимательно изучив произведения и рукописи армянских историков и географов, имевших отношение к истории курдов, Абовян пришел к выводу, что «нынешние курды — не что иное, как смесь множества различных народов, поселившихся в этой же стране (Кордик. — К. К.), где жили курды, принявшие впоследствии их язык, веру, одежду, обычаи и, наконец, слившихся в один народ»³.

Таким образом, Абовян считал, во-первых, что курды — один из древних народов, во-вторых, что в формировании этого народа принимали участие другие народы, заселившие область Кордик с прилегающими к ней областями и слившиеся с ее жителями, курдами, в-третьих, что курды в древности в культурном отношении стояли не ниже уровня их покорителей. Иначе не объяснить причины усвоения завоевателями языка, веры и обычаев курдов.

Кто были народы, покорившие страну Кордик и слившиеся с ее населением? Абовян считает, что «армянские писатели это объясняют довольно удовлетворительно», полагая, что сначала пришли мидяне, покорили область Кордик и слились с местным населением; после мидян пришли скифы, затем арабы, которые также слились с местным населением, сформировав впоследствии народность курдов. В дальнейшем курды разделились на множество племен и расселились в южной и центральной Армении. Абовян, вполне соглашаясь с мнением армянских историков-географов Чамчиана и Инджинджиана,

¹ А б о в я н. Курды. «Кавказ», № 46, 1848.

² Там же.

³ Там же.

старается подтвердить его новыми фактами из истории и этнографии курдов.

Мысль о происхождении некоторых курдских племен от слияния с арабскими Абовян подтверждает курдскими преданиями, сохранившими отзвуки этого слияния — общность обычаев, сходство одежды, наконец, близость языка, особенно месопотамских курдов, с арабским.

Абовян считает также несомненным, что и армяне сыграли свою роль в формировании народности курдов. Он пишет: «. . . значительная часть (армянского. — *К. К.*) народа встала под знамена, увенчанные полумесяцем, и постепенно принимала язык, образ жизни мусульман, так что впоследствии совершенно слилась с ними, и в настоящее время в названиях курдских племен сохранились следы этого влияния. По древним армянским летописям видно, что многие из армянских князей бежали в Курдистан, приняли там имена курдские»¹. Курдские племена сливан, рошкан, мамкан, мандики Абовян считает происшедшими от рода древних армянских князей: племя сливан — от рода Селкуниев, племя рошкан — от рода Рштуниев, мамкан — от княжеского рода Мамиканиев, а последнее, т. е. мандики, — от фамилии князей Мандакуниев.

Можно было бы думать, что звуковое совпадение названий курдских племен с названиями родов древнеармянских князей — явление случайное, но в действительности, при более углубленном изучении истории взаимоотношений курдов и армян становится ясно, что оно является отражением взаимосвязей армянского и курдского народов. Из работ армянских историков и географов известно, что не только армяне переселялись в область Кордик и смешивались с ее жителями, но и, наоборот, из области Кордик жители переселялись в Армению и смешивались с местным населением. Историк М. Хоренский сообщает, что когда Тигран учреждал княжеские роды, он наряду с армянскими учреждал и курдские роды, находившиеся в Армении или в пределах Кортчей. Это может служить свидетельством политических, культурных и других связей армянского и курдского народов.

Взаимные переселения армян в область Кордик, а курдов в Армению также свидетельствуют о наличии политических и экономических связей между областью Кордик (Кортчек) и Арменией. Известно, что «кортчейское (курдское. — *К. К.*) население южной Армении, со всеми прилегающими к ней с юга областями, то подчинялось Армении. . . то откалывалось от

¹ А б о в я н. Курды. «Кавказ», № 46, 1848.

нее, создавая самостоятельное управление»¹. Во время переселения курдов в Армению, а армяны в Кордик могло происходить массовое смешение армянского и курдского народов. Следы этого смешения, говорил Абовян, до сих пор сохранились в курдской среде. Так, кроме совпадения названия рода древнеармянских нахараров с названиями курдских племен, встречалось много случаев совпадения названий древнеармянских провинций с наименованиями курдских племен. Например, в списке перечисления армянских областей и провинций² многие названия совпадали с наименованием курдских племен:

Названия древнеармянских провинций	Названия курдских племен	Названия древнеармянских провинций	Названия курдских племен
Zeluni	Зилан	Bznuni	Бызыни
Aspakani	Сипкан	Banuni	Банюки
Taroni	Торыни	Budani	Будки
Garxi	Карки	Tekori	Такори
Varaznuni	Баразан (Барзан)	Moksen	Мокси (Мохси)
Bakuri	Мыкури	Artos	Артоши и многие другие

В настоящее время трудно сказать, армянские ли провинции получили свое название от наименований курдских племен или наоборот; но факт совпадения названий является, очевидно, не случайным, а отражает взаимосвязи курдского и армянского народов, которые наблюдались в древние периоды их истории.

Приведенные факты лишней раз доказывают необходимость целесообразность использования исторических источников восточных народов, в особенности армянских, для выяснения истории курдского народа. Помимо совпадения названия курдских племен с наименованием древних армянских нахараров и провинций, в армянских источниках встречаются названия ряда областей, также совпадающие с наименованием курдских племен, не входящих в пределы Армении. Так, например,

¹ Н. Адонц. История Армении в эпоху Юстиниана. СПб., 1906, стр. 226—230.

² М. Хоренский. История Армении (перевод Эмина) главным образом об армянских провинциях и областях.

в армянских источниках встречается название области «Тасан», расположенной к югу от области Кортчек. «Тасан» совпадает с наименованием крупного езидского племени Дасан (дасыни) ¹.

Таких примеров можно было бы привести очень много. Ограничимся приведенными, из которых можно сделать следующий вывод: сохранение в курдской среде названия древнеармянских нахараров, топонимических названий армянских провинций или же ряда народов, находившихся в соседстве с Арменией, показывает, что курдский народ является одним из древних народов Передней Азии и что он формировался в процессе смешения ряда крупных народов и племен, населявших юго-восточную Армению. Факты прежде всего говорят, что в этом формировании принимали активное участие мидяне и армяне, переселившиеся в область Кордик или покорившие ее жителей — курдов и воспринявшие их язык, веру и обычаи.

Выяснение степени взаимовлияния курдского и армянского народов даст возможность разрешить многие неясные вопросы истории и этнографии курдов и армян. Но, к сожалению, как курдоведами, так и армяноведами в этом направлении пока еще сделано мало.

Хорошо зная курдский язык, Абовян занимался вопросами его состава, грамматикой и лексикой.

Абовяном сделаны переводы курдских песен, записанных им же. Характеристика состава курдского языка, данная Абовяном, в настоящее время устарела, так как относится только к словарному составу, но не к словарному фонду и грамматическому строю курдского языка, но в свое время она была принята всеми востоковедами и даже оказала на них значительное влияние. «Курдский язык, — пишет Абовян, — состоит из смеси арабских, татарских, персидских, армянских и курдских слов ². Он делится на два главных наречия — собственно курдское и так называемое заза, до того отличающееся от первого, что оно вовсе непонятно курду, который предварительно не научился ему. На наречии заза говорят в Эгнусе, Тужине, Шуше и других округах, при этом разговорный язык, в свою очередь, изменяется в выговоре отдельных племен» ³.

Лингвисту, знатоку курдского языка, нетрудно определить, какое влияние оказало на некоторых исследователей-курдоведов это положение Абовяна. Так, например, исследователи-курдоведы — Лерх, Юсти и Егиазаров — недалеко ушли от

¹ Шараф-намэ, т. 2, стр. 28.

² Очевидно, речь идет о словарном составе курдского языка.

³ А б о в я н. Курды. «Кавказ», № 47, 1848.

этого определения Абовяна, относя курдский язык к иранской группе языков индоевропейской семьи. Что же касается деления курдского языка на два наречия, то оно правильно и названными курдоведами принято со следующими поправками: вместо терминов «наречия собственно курдское и заза» они употребляют термины «диалекты курманджи и заза». Кстати следует отметить, что деление Абовяна прочно вошло в науку, претерпев лишь некоторые изменения.

В настоящее время курдоведы делят курдский язык на следующие три диалекта: диалект курманджи распространен на территории северо-запада Курдистана до Синджарских гор и районов Мосула, диалект заза распространен в районах Дерсима, Эрзерума и Муша и диалект курди распространен в юго-восточной части Курдистана.

Фонетически, говорит Абовян, слова курдского языка слышатся «европейскому уху в каких-то твердых и неприятных звуках». «Нельзя, однако же, не отдать этому языку преимущества перед другими азиатскими языками, в нем очень редко встречаются шипящие звуки, столкновения согласных и нет также непостижимых гортанных звуков, как в языках лезгинском и чеченском»¹. Это определение Абовяна совершенно правильно. Оно дало возможность другим ученым считать фонетику курдского языка простой и легкой. Очень интересно замечание Абовяна о некоторых внешних формах курдских слов, которое имеет прямое отношение к грамматическим формам языка, «большая часть слов, как коренных, так и сложных, оканчивается на гласные — е, а, и». Нетрудно догадаться, что речь идет о грамматических формах слов в курдском языке. Абовян не интересовался вопросом, почему курдские слова оканчиваются гласными «а, е, и»; это не входило в его задачу. Для него важно было указать на внешние характерные особенности языка, не вдаваясь в разбор грамматических форм. Уточнение и разъяснение их было делом исследователей курдского языка. Как же объясняли это явление курдоведы Лерх, Юсти и Егiazаров? Обращая внимание на это явление и исходя из норм персидского языка, они восприняли эти курдские гласные как разнообразные формы одного и того же изафета в персидском — *i*. Лерх, Юсти, а вслед за ними и Егiazаров отмечали, что в курдском изафет является то в виде гласного «е», то в виде «*i*», то в виде «а»².

¹ А б о в я н. Курды. «Кавказ», № 47, 1848.

² Советское курдоведение доказало, что эти гласные звуки, выполняющие роль изафета, в курдском служат показателями категории рода и числа.

Последним, наиболее интересным замечанием Абовяна о курдском языке является его указание на один из очень важных способов образования собственных имен. Он пишет: «Почти ко всем именам собственным, даже к названиям других народов, курды присовокупляют окончание «о» и сокращают их почти в половину, например Гассан, Шамдин, Алловарди и пр. — изменяют они в Гассо, Шамо, Алло. — Из этого правила исключаются только имена знатных и значительных лиц, следовательно обычай этот служит некоторым образом отличием для высшего сословия». На это замечание Абовяна до сих пор никто не обращал внимания, а между тем оно очень ценно и должно привлечь внимание лингвистов-курдоведов. Действительно, прибавление «о» к концу сокращенного наполовину слова есть одна из характерных черт курдского языка. Вывод Абовяна о том, что этот способ образования личных имен служит некоторым образом отличием для высшего сословия, является совершенно беспорным и может быть подтвержден приведением многочисленных примеров.

Абовян призывал ученых изучать курдский язык и таким путем «приступить к разрешению многочисленных исторических вопросов». Сравнивая курдский язык с русским и говоря об общих словах и глаголах, он писал: «Стоит отыскать несколько сот слов равнозначных и равнозвучных в обоих этих языках, чтобы приступить к разрешению многочисленных исторических вопросов. Но где средство к изучению этого народа и языка, к обработке этой благодарной почвы, от которой можно ожидать столь много для пользы отечественной истории и языкознания?»¹

Не менее интересны исследования Абовяна в области курдского народного творчества. Известно, что народной поэзии курдов Абовян уделял много внимания. В той же работе о курдах он дает характеристику курдскому народному творчеству, обещая в дальнейшем привести образцы курдской народной поэзии, но, к сожалению, он не привел ни одной из записанных и переведенных им песен². Немецкий путешественник М. Вагнер сообщает, что Абовян прислал ему курдские песни вместе со своими исследовательскими материалами о курдах и езидах. Некоторые из них Вагнер дает, как говорит он, в немецком переводе в своей статье об езидах. Однако только

¹ А б о в я н. Курды. «Кавказ», № 47, 1848.

² Некоторые отрывки курдских песен, записанных Х. Абовяном, были недавно извлечены из его рукописей, хранящихся в Литературном музее Еревана, и напечатаны в курдской газете «Рийа Тэзэ», № 72 (684), октябрь 1955 г.

недавно стало известно, что личная тетрадь Абовяна с курдскими песнями найдена и хранится в литературном отделе Государственного музея Арм. ССР. Тетрадь эта еще ждет своего исследователя; лишь после специального изучения можно будет судить о роли Абовяна в изучении курдских песен.

В рассматриваемой работе «Курды» Абовян дает характеристику курдскому народному творчеству. Он пишет: «Народная поэзия курдов совершила изумительные шаги и достигала возможного совершенства. Каждый курд, даже каждая курдянка врожденные поэты в душе. Все они обладают удивительным даром импровизации, но смешно было бы требовать от кочевого народа стройных поэтических созданий, изящных картин и риторических украшений речи. Они воспевают очень просто и незамысловато: свои долины, горы, водопады, ручьи, цветы, оружие, коней, воинские подвиги, своих красавиц и прелести их, — все доступное их чувствам — понятиям, приукрашивают сравнениями и стараются еще живее передать все это мелодическим пением, конечно, оскорбляющим немного слух европейца, но драгоценным, как выражение их духовной жизни и образа мыслей, чрезвычайно оригинального народа, привыкшего предпочитать свой просяной чурек всем утонченным лакомствам могущественных европейцев»¹.

Эта характеристика курдского народного творчества приводится Лерхом², Н. Я. Марром³ и другими курдоведами.

Чрезвычайно интересно высказывание Абовяна о важности изучения народной поэзии курдов. «Поэтические произведения этих азиатских трубадуров действительно заслуживают особенного внимания и удовлетворяют требованиям самой суровой критики. Но никто их не записывал, и, как рапсодии и как изустные предания, они с каждым годом подвергаются более и более забвению. Какое сокровище мог бы извлечь из них изучающий народные обычаи, поверья и сказания, если бы какой-нибудь ученый, не жалея ни издержек, ни труда, необходимого для собирания этих драгоценных материалов, постраивал бы по этому краю»⁴.

Из отдельных разбросанных высказываний Абовяна можно представить себе следующую картину общественного строя и жизни курдов в середине XIX в.

¹ А б о в я н. Курды. «Кавказ», № 47, 1848.

² П. Л е р х. Исследование о курдах и их предках северных халдеях, кн. II, стр. 9.

³ Н. Я. М а р р. Еще о слове челеби. Зап. Вост. отд. имп. русск. геогр. общ., т. XX, вып. II—III, стр. 127—129.

⁴ А б о в я н. Курды. «Кавказ», № 47, 1848. (Примечание).

Курды делятся на кочевых и оседлых. К кочевникам относятся те, которые занимаются главным образом скотоводством; они всегда вооружены, ведут себя независимо. Оседлые курды занимаются земледелием, в зимнее время дают кочевникам убежище в своих деревнях, за что кочевники защищают их от нападений врага. Степень зависимости от турецкого и персидского правительств у оседлых больше, чем у кочевников, хотя Абовян считает, что все курды фактически независимы. Он говорит, что несмотря на то, что курды подвластны Турции и Персии, «все их обычаи остаются неприкосновенными». По его словам, подвластность курдов заключается только в том, что «они посылают им в известное время года небольшую подать», на самом деле «имеют свое управление, суд и расправу». Оседлые и кочевые курды делятся на многочисленные племена, в свою очередь, делящиеся на «благородных» («высшее сословие») и «простолюдинов» («низшее сословие»). «Высшее сословие» состоит из князей, начальников племен и родов и богатых людей. Остальная масса составляет «низшее сословие». Абовян не приводит данных об экономическом положении «высшего» и «низшего» сословий и о формах эксплуатации, существовавших в курдском обществе. Но имеется одно интересное замечание, из которого можно получить некоторое представление об этом.

Говоря о дневном расходе продуктов у князей во время приема гостей, он пишет: «У многих князей, считающихся начальниками племен, съедается до 40—50 баранов, более пяти пудов риса и выходит по несколько фунтов кофе и табаку в день, потому что обедают и пьют кофе по несколько раз в день».

На вопрос, откуда берут князья эти огромные запасы, Абовян дает следующий ответ: «Общество вознаграждает все это с излишками богатыми подарками в праздники». Под обществом, конечно, следует понимать основную массу народа («низшее сословие»), которую эксплуатировало «высшее сословие» — князья, начальники племен и родов. Так, например, князья собирали натуральную повинность в виде добровольной дани (кашкул) за пастбища, за места стоянок (кочевков), за пользование водой рек и источников. Кроме того, в виде добровольных или обязательных подарков (в зависимости от районов Курдистана) «низшее сословие» платило так называемые пешкеша ага, бага — подарки, предназначенные агалаграм и бекам, или выполняло повинности забара ини (полевые и домашние работы на беков и агаларов). Следовательно, вышеприведенное высказывание Абовяна имело прямое отно-

шение к существовавшим формам эксплуатации среди курдов, так как упоминаемые Абовяном «излишки и богатые подарки, приносимые обществом» князьям и племенным начальникам в праздничные дни, являлись, безусловно, одной из форм эксплуатации. В этом отношении Абовян стоял выше Егиазарова, который, исследуя социальные отношения курдов, не раскрыл сущности «обы» как единицы кочевой организации курдов, созданной первоначально на базе экономических интересов ее членов. Егиазаров не видел в ней ни классов, ни сословий, ни эксплуатации. Он характеризовал ее как демократическую общину. «Оба, — пишет Егиазаров, — представляет собою демократическую патриархальную общину, все члены ее, как бедные, так и богатые, пользуются одинаковыми правами; глава же обы только первый между равными»¹. Кстати следует отметить, что в вопросе правовых отношений определение Абовяна более соответствовало действительному положению вещей, чем определение Егиазарова. Абовян считал, что власть князей, племенных начальников и родоначальников неограниченна и обязательна для всех. «Раздоры между племенами всегда прекращаются старшинами и князьями, так что палатки или дом старшины заменяют у них все судилища, сенаты и присутственные места. Они (князья и старшины. — К. К.) не допускают своих мулл ни к каким общественным делам и ограничивают их деятельность богослужением»². А. Егиазаров говорил, что до введения судебных реформ в Закавказском крае «курды представляли собою демократические патриархальные общины, где все члены, как богатые, так и бедные, пользовались одинаковыми правами, богатые и знатные роды пользовались лишь большим уважением и значением»³.

Не менее интересны выводы Абовяна о патриархальном образе жизни курдов. В противоположность некоторым тогдашним европейским ученым, видевшим в курдах только разбойников, грабителей и убийц, людей, не имевших ни одного положительного качества, Абовян дал другую, более объективную картину их общественной жизни, обнаруживая при этом гуманное отношение к изучаемому народу. Рассказывая о патриархальных обычаях курдов, он замечает, что «в настоящее время трудно найти между народами всего земного шара столь патриархальную жизнь со всеми ее добродетелями, преимуще-

¹ Егиазаров. Этнографический очерк курдов Эриванской губернии, стр. 19. Тифлис, 1909.

² Абовян. Курды. «Кавказ», № 47, 1848.

³ Зап. Кав. отд. Русск. геогр. об-ва, XIV, вып. 2, стр. 18.

ствами и невзгодами, как жизнь курдов. . .», «курдов можно было бы назвать рыцарями Востока в полном смысле слова, если бы они вели жизнь более оседлую. Воинственность, прямодушие, честность, . . . строгое исполнение данного слова и гостеприимство. . . безграничное уважение к женщине — вот добродетели и качества, общие всему курдскому народу»¹.

Эту характеристику Абовян иллюстрировал рядом конкретных примеров, останавливаясь при этом на разъяснении тех из них, которые свидетельствовали о хороших качествах курдов.

Остановлюсь вкратце на роли Абовяна в деле изучения курдов.

Имея прекрасное историко-филологическое и этнографическое образование, Абовян блестяще использовал его не только при самостоятельном изучении этнографии курдов и армян, но и оказал огромную помощь европейским ученым, путешествовавшим на Восток и занимавшимся изучением Армении, Курдистана и Закавказья вообще.

О громадной помощи, оказанной Абовяном Фридриху Парроту, подробно рассказано в описании его путешествия². В путевых «Заметках о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями» Августа фон Гакстгаузена, мы видим, что роль Абовяна в деле изучения армян и езидов была огромной. Говоря о своем пребывании у Абовяна и о той помощи, которую последний оказал ему, Гакстгаузен пишет: «Я провел там в разговоре с Абовяном все время до самого вечера и приобрел от него в этот и следующий день богатые сведения об образе жизни, нравах, особенных качествах и наклонностях армянского народа и через это мог уразуметь внутреннюю его жизнь гораздо яснее, нежели когда бы прожил между ними целые месяцы. Абовян был одним из тех благородных, рассудительных и правдивых людей, которых мы редко встречаем в жизни. Разгадав скоро, что я вообще с любовью стараюсь выискать в жизнь народов, он объяснил мне все с величайшей подробностью. . . Так как он сам прожил 4 года между немцами в Дерпте, то для него сами собою стали ясны как сходственные, так и противоположные черты обоих народов. Мне стоило только сделать ему один вопрос, задеть его за живое и в нем мгновенно пробуждались мысли и воспоминания, которые он тотчас сообщал мне. При всем этом Абовян был преисполнен пламенного патриотизма

¹ Зап. Кав. отд. Русск. геогр. об-ва, XIV, вып. 2, стр. 18.

² Fr. P a r r o t. Reise zum Ararat. Geologische, botanische, zoologische Nachrichten. V. 2, Berlin, 1834.

к своей родине, поэтому-то большею частью всем нижеизложенным я обязан ему, а потом уже моим собственным наблюдениям, которые частью делал тоже под его руководством»¹.

На 182-й странице своей второй книги Гакстгаузен в примечании пишет следующие интересные строки: «Абовян составил в Дерпте записки из своих юношеских воспоминаний, заключающие в себе много любопытного касательно жизни армянского народа. Он подарил их мне, с тем, чтобы я ими пользоваться как хотел».

Такую же помощь Абовян оказал Гакстгаузену в изучении курдов-езидов. Гакстгаузен сообщает: «Утром в шесть часов отправились мы четверо, Абовян, его дядя, Петр Ней и я, в северо-западном направлении к езидам». Сообщая свои наблюдения над езидами, он пишет: «Через посредство Абовяна я спросил езидов, позволяют ли они сделать им некоторые вопросы относительно их племенного и семейного устройства, а также и религиозных мнений, они изъявили готовность». Эту готовность езидов отвечать на его вопросы и их доверчивость к нему Гакстгаузен объясняет лишь дружеским отношением езидов к Абовяну и к его дяде.

В своих кратких очерках о езидах Гакстгаузен сообщает, что некоторые сведения о быте, нравах, религии езидов он узнал от самого Абовяна и его дяди.

Существенную помощь Абовян оказал путешественнику М. Вагнеру в вопросе этнографического изучения курдов. Вагнер в своих статьях о курдах и езидах рассказывает: «Несколько спустя после моего возвращения из Передней Азии я получил, благодаря моему другу Абовяну, директору окружного училища в Эривани, который является хорошим знатоком Востока, также основательно владеет многими азиатскими языками — весьма интересную работу о некоторых народностях западной Азии, а именно о курдах, которых он имел случай изучать как в русской Армении, так и в Персии в Баязедском пашалыке на протяжении многих лет. Рукопись господина Абовяна о нравах, чертах характера, условиях жизни курдов заключает в себе вместе с тем обстоятельные замечания о езидах, во многих пунктах смешанно живущих с ними. Она была представлена мне в свободное пользование и легла в основу настоящих очерков»².

«Господин Абовян сообщил мне, — говорит Вагнер, — не только этнографические исследования, но также образцы курд-

¹ Закавказский край, т. II, СПб., 1875, стр. 170—171.

² M. Wagner. Reise nach Persien und den Ländern der Kurden. Leipzig, 1952, стр. 119.

ской и езидской поэтики в дословном переводе; большинство из них эпического содержания. Наряду с героическими песнями имеются также и любовные песни». Далее в примечании Вагнер дает следующее пояснение: «Среди представленных мне переводов курдских песен имеется много отрывков больших поэм, из которых мы к сожалению не можем восстановить ни одной. Постоянно встречаются среди них эпические песни о победе езидов у Радована под предводительством их начальника Кешиш-Поло и победе Сулейманаги над курдскими племенами джалали на Арарате. Среди элегий имеется жалоба девушки, возлюбленного которой убили турки при Низаме, и жалоба езидской воинственной женщины на ужасные опустошительные походы Рашид-Паши»¹. Путешественник Боденштедт в своих впечатлениях о поездке в Армению пишет: «Благодаря Абовяну мне удалось записать армянские, курдские и татарские песни»; при этом он поясняет: «Абовян писал и снабжал меня немецким комментарием». Далее он говорит: «Первую песнь записал Абовян собственной рукой и в дальнейшем он обещал прислать их мне»². Следовательно, Абовян не просто записывал, собирал курдские песни, но и переводил и комментировал их. Записанные песни, его перевод и научные комментарии он посылал М. Вагнеру и Боденштедту.

Таким образом, Абовян не только сопровождал фон-Гакстгаузена, М. Вагнера, Боденштедта, помогал им собирать этнографические материалы о курдах и армянах, но и снабжал их собственными собранными этнографическими материалами. М. Вагнеру он послал свою рукопись о курдах и езидах, Гакстгаузену дал «книгу воспоминаний», изображавшую быт, нравы, культуру и общественные отношения армянского народа, Боденштедту — свои переводы и комментарии курдских, армянских и татарских песен. По признанию Гакстгаузена и М. Вагнера, эти материалы легли в основу их работы. Трудно указать, в какой мере Гакстгаузен исчерпал «книгу воспоминаний» Абовяна, что же касается статей М. Вагнера, то можно сказать, что они полностью построены на основе материалов Абовяна. Содержание изложенного материала, структура статей, выводы и последовательность изложения Вагнера почти не отличаются от абовяновских. Исторический обзор, разыскания и соображения Абовяна по армянским источникам о происхождении курдов и езидов Вагнеру показали убедительными

¹ M. Wagner. Reise nach Persien und den Ländern der Kurden, стр. 254.

² Fr. Bodensadt. Tausend und ein Tage im Orient. Berlin, 1850, стр. 143—167.

и заслуживавшими внимания. Словами Абовяна он говорит о происхождении курдов и их языке. Что же касается остальных этнографических вопросов, то они в основном описаны Вагнером так же, как и Абовяном; небольшая разница заключается лишь в том, что Вагнер в отдельных случаях приводит те или иные этнографические сведения о курдах из работ Хорна, Нибура, Раулинсона, Айнсворта, Рича и др.

Таким образом, имя Хачатура Абовяна неразрывно связано с курдоведением. Абовян был и остается первым исследователем этнографии курдов в России, так как он первый дал сжатое, но всестороннее и вполне правильное этнографическое описание курдов; познакомил востоковедов с точкой зрения армянских историков и географов на происхождение курдов, езидов, их образ жизни, нравы; значительно упростил вопрос об их происхождении, доказав, что слово «курды» связано с наименованием области Кордик, а их самоназвание — курмандж — с названием города Керман, тем самым отнеся курдов к исконным жителям центрального и восточного Курдистана, указав одновременно с этим на некоторые связи курдов с мидянами и армянами. В этнографическом описании курдов он базировался на научной основе, наметил путь решения вопроса об историческом развитии курдов через непосредственное изучение курдского языка, народного творчества, исторических источников восточных народов, рассматривая весь комплекс этих вопросов как богатейший и благодарный источник не только в отношении историко-этнографического изучения курдов, но и как ценнейший материал, приносящий большую пользу отечественной истории и языкознанию, а также этнографии.

* * *

Прошло более ста лет со времени выхода в свет труда Хачатура Абовяна. Труд этот не потерял научного интереса и до настоящего времени.

В дни празднования столетия со дня рождения великого сына армянского народа советское курдоведение с гордостью отмечало, что в числе первых исследователей, занимавшихся историей курдов в нашей стране, стоит имя прогрессивного демократа, просветителя Хачатура Абовяна, друга курдского народа.

Только при советской власти стали осуществляться благородные желания Хачатура Абовяна, относящиеся к изучению истории курдов, их культуры, народной литературы и языка. В Армянской ССР с момента выхода в свет нового курдского

алфавита (1928), открытия курдских школ и организации Курдского Закавказского педагогического техникума в Ереване началось систематическое изучение курдского языка и собирание материалов народного творчества курдов. Научные учреждения Еревана оказывают всяческую помощь молодым курдским ученым. Было организовано несколько научных экспедиций в курдские районы под руководством армянских этнографов (проф. Лисициана) и фольклористов (проф. Оганджяняна) в 1931, 1933, 1934 годах. В этих экспедициях принимали участие и курдские ученые Аминэ Авдал, Аджизэ Джинди и другие, получившие широкое филологическое и этнографическое образование в Ереванском Государственном университете. Экспедиции занимались изучением языка, фольклора и быта советских курдов. Как результат работы этих экспедиций в 1936 г., в Ереване был издан первый сборник курдского народного творчества (40 печатных листов)¹. Составителями сборника были участники экспедиций Аминэ Авдал и Аджизэ Джинди, работавшие в течение длительного времени над сбором всех жанров курдского фольклора. В сборник вошли три основных жанра курдского народного творчества: сказки, эпос и песни. В частности, напечатаны 16 вариантов популярного героического эпоса «Кәр у Кёлык», 3 варианта великолепного романтического эпоса «Мам у Зин», 4 варианта романтического эпоса «Замбил-фырош», один вариант популярного героического эпоса «Дымдым», 4 варианта «Лейл у Маджнун», 5 вариантов «Маме и Айше», 12 вариантов «Авдале Зайнике», около 60 разнообразных сказок и большое количество песен.

Сборник напечатан латинизированным курдским алфавитом. Приведенные о сказителях данные показывают, что запись значительного количества фольклорного материала производилась из уст курдов — выходцев из различных районов северо-западного Курдистана. Очень важно также отметить, что часть материалов записана из уст армян — выходцев из районов Диарбекира, Муша и Вана, хорошо знавших курдский язык. Некоторые материалы собраны среди местных курдов, ранее проживавших на территории Советской Армении.

Основным недостатком сборника является то, что его составители не провели никакой исследовательской работы по издаваемому материалу. В сборнике нет даже предисловия; тексты плохо зааспортизированы. Кроме того, они изобилуют множеством опечаток. Но тем не менее выход в свет этого большого труда о курдском народном творчестве явился очень важным

¹ См. Folklorä kurgmanca (Курдский фольклор). Rewan, 1936.

событием в деле изучения богатого и содержательного курдского фольклора, не говоря уже о том, что изданный сборник имел большое значение в области изучения этнографии, истории и языка курдского народа.

Издание ряда словарных и грамматических работ ереванских курдологов было вызвано практической потребностью в области культурного строительства среди курдов Советской Армении. К ним относятся первый армяно-курдский словарь (10 печатных листов) и терминологический словарь (3 печатных листа). Из работ по курдскому языку следует указать на грамматику проф. Хачатуряна, грамматику А. Джинди для средних школ и краткую грамматику А. Мовсеяна для начальных школ.

В 1936 г. был издан сборник курдских народных песен¹, записанных А. Джинди и Каро Закаряном. В сборник вошли главным образом любовные, плясовые и героические песни. Он снабжен обстоятельным предисловием Каро Закаряна на курдском, армянском и русском языках. Автор дает подробную характеристику курдских песен и их классификацию с точки зрения содержания и музыкальной ценности. Курдские песни он делит на мифологические, любовные, религиозные (гимны), трагические, трудовые и плясовые и песни, отражающие новый быт.

Научное изучение отдельных жанров курдского фольклора в Армении началось только в последние годы.

В 1945 г. в Ереване была издана диссертационная работа А. Джинди, посвященная известному героическому эпосу «Кәр у Көлык». Автору удалось собрать около 33 вариантов этого замечательного эпоса. Работа напечатана на армянском языке и содержит разделы: 1) значение изучения курдского народного творчества, 2) данные о сказителях и певцах, из уст которых записан эпос, 3) вопрос о времени и месте возникновения эпоса и его распространение по Курдистану, 4) язык эпоса. Затем дается сводный текст эпоса на курдском языке и его перевод на армянский. Курдский текст напечатан новым курдско-русским алфавитом, утвержденным правительством Советской Армении в 1945 г.

Резюме напечатано на русском языке. В качестве приложения приводится русский перевод текста, сделанный С. Егiazаровым в его этнографическом очерке о курдах Эрванской губернии.

¹ Kəlamə gəməta kurdmanca (Курдские народные песни). Rəwan, 1936.

Аджиэ Джинди также является автором ряда других работ, посвященных курдскому фольклору. К ним относятся интересные статьи — «Героические и патриотические мотивы в курдском фольклоре»¹, «Курдское советское народное творчество»², «Сборник курдского фольклора в переводе на армянский язык»³.

Перу Аджиэ Джинди принадлежит также краткий очерк курдской литературы Советской Армении⁴ и «Курдские сказы эпоса Кор-оглы»⁵. В первой работе он показывает, как на основании использования богатейшего народного творчества курдов, классических произведений русских и армянских писателей, а также произведений советских писателей возникает у курдов Советской Армении своя художественная, учебная и научная литература.

В работе «Курдские сказы эпоса Кор-оглы», состоящей из курдского текста, его перевода на армянский язык и исследования, автор рассматривал историю возникновения и распространения этого известного азербайджанского народного эпоса среди курдов, показывал, как в этом эпосе отражены отдельные художественные образы, эпизоды и даже целые пласты сказочных мотивов, свойственных курдскому народному творчеству.

Интересной и широко распространенной по Курдистану поэме «Сиабанд и Хадже» посвящена диссертационная работа Нуро Полатовой. Автор собрала 12 вариантов поэмы, один из которых был переведен на армянский язык поэтами Таронци и Ширази. В своей работе Нуро Полатова раскрыла борьбу героев поэмы «Сиабанд и Хадже» против родо-племенных традиций и социального неравенства в феодальном патриархальном строе курдов периода арабского завоевания (VIII—IX вв.). Автор показала, что герои поэмы «Сиабанд и Хадже» — прогрессивные люди, боровшиеся за счастливую, свободную любовь, за социальное равенство против феодально-племенного строя, мешавшего объединению курдского народа. В этом плане автор показала общность трактовки образов поэмы «Сиабанд и Хадже» с образами других известных курдских поэм — «Мам и Зин», «Сева Аджи», «Нарр и Кулек» и «Маме и Айше». Автор подчеркивала, что герои этих курдских поэм выступили, так же как и Сиабанд и Хадже, выразителями интересов народ-

¹ «Известия Академии наук Арм. ССР», № 9—10, Ереван, 1942

² «Известия Академии наук Арм. ССР», № 10, Ереван, 1951.

³ «Курдский сборник». Ереван, 1948 (на армянском языке).

⁴ Курдская литература Советской Армении. Ереван, 1954 (на армянском языке).

⁵ Курдские сказки эпоса Кор-оглы. Ереван. 1953 (на армянском языке).

ных масс курдов, боровшихся против родо-племенных традиций, ставших тормозом в развитии курдского общества в его борьбе против угнетателей и завоевателей.

Некоторые работы курдологов Советской Армении посвящены истории и этнографии курдов на основании изучения богатейшего народного эпоса и других жанров устной литературы курдского народа. К ним относятся интересные исследования Аминэ Авдала: «Курдская женщина»¹, «Обычай кровной мести у курдов»², «Религиозные верования курдов-езидов»³ и др.

Используя богатые полевые материалы и привлекая данные народного творчества, Аминэ Авдал подробно рассмотрел вопросы социального, общественного и семейного положения курдской женщины, вскрыл различные формы бракосочетания, показал причины возникновения и исчезновения некоторых форм брака у курдов Советской Армении.

Для изучения истории общественных отношений и норм обычного права у курдов немаловажное значение имела его работа «Обычай кровной мести у курдов», в которой рассматриваются причины, породившие обычай кровной мести и ликвидацию его пережитков в условиях советской власти.

В настоящее время Аминэ Авдал работает над историей происхождения курдов-езидов и их религиозных верований; вместе с Аджиэ Джинди он продолжает собирать и издавать курдский фольклор. В этом деле им оказывают всяческое содействие — армянские ученые и государственные органы Советской Армении, создавая необходимые условия для того, чтобы Ереван — столица родины Хачатура Абовяна, родоначальника курдологии в нашей стране, стала одним из центров изучения истории курдов, их языка и культуры.

¹ Аминэ Авдал. Курдская женщина. Ереван, 1948.

² Обычай кровной мести у курдов и ликвидация его пережитков в условиях советской власти. Ереван, 1942.

³ Религиозные верования курдов-езидов. Рукопись хранится в Ереванском институте истории АН СССР.